Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 2 (311). С. 171–176.
Izvestia Voronezh State Pedagogical University. 2026. (2), 171–176.

Научная статья
УДК 373.29
DOI: 10.47438/2309-7078_2026_2_171.

ВКЛАД ДУХОВЕНСТВА В РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1880–1890-е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ГУБЕРНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ)

Альбина Юрьевна Татаринцева[1]

Воронежский государственный педагогический университет[1]
Воронеж, Россия

[1]*Кандидат психологических наук, доцент кафедры коррекционной психологии и педагогики, ORCID ID: 0009-0004-9081-9884, тел.: (473) 253-32-67, e-mail: Tatarinceva_30@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вклад православного духовенства в развитие начального народного образования в первые годы после издания «Правил о церковно-приходских школах» от 13 июля 1884 г. На примере губерний Европейской России автор анализирует численный рост церковных учебных заведений; проблемы, которыми чревато расширение сети народных училищ ведомства православного исповедания. Особое внимание в статье обращается на противодействие церковным школам, оказывавшееся земскими органами местного управления. Автор приходит к выводу о том, что духовенство, несмотря на имеющиеся трудности, внесло значительный вклад в дело распространения начального народного образования в России.

Ключевые слова: Русская православная церковь, губернии Европейской России, церковно-приходские школы, школы грамоты, приходское духовенство.

Для цитирования: *Татаринцева А.Ю.* Вклад духовенства в развитие народного образования в 1880–1890-е годы (на примере губерний Европейской России) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. №. 2. С. 171–176. DOI: 10.47438/2309-7078_2026_2_171.

Введение

Император Александр III 13 июля 1884 г. утвердил «Правила о церковно-приходских школах». Основная цель деятельности данных образовательных учреждений заключалась в распространении среди народа православного учения, веры и нравственности. Православному духовенству вменялось в обязанность «приискание учителей и надзор за ними» [1, с. 372]. По правилам, церковно-приходские школы открывались на местные средства приходов без всяких пособий или с пособием от сельских и городских обществ, приходских попечительств и братств, земских и других общественных и частных учреждений и лиц епархиального и высшего духовного начальства.

Высшее управление всеми церковными школами, разрешение представлений и вопросов, возникающих в епархиях по школьному делу, распоряжение суммами, отпущенными на основании высочайше утвержденных Государственным советом решений, принадлежали Святейшему синоду и состоявшему при нем Училищному совету. Этот совет имел право выбирать учебные книги для церковно-приходских школ не только по Закону Божию, но и по прочим предметам. По отношению к начальникам народных училищ других ведомств совет занимался обсуждением вопросов, поступающих от министерств и главных управлений на утверждение Священного синода; рассмотрением списка книг, предназначенных служить учебным руководством по Закону Божию, а также распространением пособий среди церковно-приходских школ различных епархий. На эти цели Государственным казначейством в 1887 г. было выделено 175 500 рублей [7, л. 3].

Общее управление церковными школами в каждой епархии (за исключением Рижской) и попечение об их благоустройстве вменялись в обязанность правящим архиереям и епархиальным училищным советам, учрежденным для обсуждения вопросов по административной и учебной частям.

Непосредственно заведовали школами и несли за это ответственность приходские священники; ближайшими руководителями школ становились особые наблюдатели, назначенные епархиями из наиболее способных и благонадежных священников. «Правила о церковно-приходских школах» обозначили начало широкой просветительской деятельности, которую развернуло приходское духовенство во второй

© Татаринцева А.Ю., 2026

половине XIX – начале XX вв. Вклад приходского духовенства отдельных епархий в развитие народного образования получил определенное освещение в исследовательской литературе. К указанной проблеме обращались, к примеру, С.А. Иконников [2], Ю.Ю. Гизей [3], Т.Е. Житенев [4], Е.В. Крутицкая [5], Р.Г. Прокопенко [6]. Они изучили материальное обеспечение приходского духовенства центрально-черноземных губерний России, состояние церковно-приходских школ в отдельно взятых губерниях. К сожалению, обобщающие труды, содержащие сравнительный анализ состояния народного образования во всех губерниях Европейской России, отсутствуют.

Результаты

Перед началом реализации церковно-школьного дела по распоряжению Синода были собраны статистические сведения о церковно-приходских школах и школах грамоты по состоянию на 1886 г. Записки с необходимой информацией были поданы практически всеми епархиями Европейской России (за редким исключением). На 1 января 1886 г. в стране в 9 001 церковно-приходской школе и школе грамоты обучались 238 663 учащихся, в том числе 31 643 девочки. В отчетных данных епархиальных училищных советов за 1886/1887 г. зафиксировано 10 180 школ (6 899 церковно-приходских, 3 168 домашних и 113 неразделенных), в них обучались 329 033 ученика, включая 35 155 девочек [10, л. 13]. Как видим, лишь за один год численность церковно-приходских школ заметно выросла. Обращает на себя внимание явный перекос среди учащихся в пользу мальчиков. С.П. Рачинский в известных записках о сельских школах в 1883 г. назвал это явление ненормальным: «При первом взгляде на сельскую школу в ней поражает отсутствие или малое присутствие девочек. В этом ненормальном явлении заключается одна из главных причин, замедляющих нравственные усовершенствования крестьянского населения, так как все сознают, что воспитание женщины есть необходимое условие совершенствования всякого общества. Женщина-крестьянка, получившая образование, в крестьянской семье незаменима: дитя получает первые понятия, да и первые пробуждения души от матери, и благо таким детям крестьянским, чьи матери получили правильное школьное образование» [7, с. 18]. О небольшой численности девочек в церковно-приходских школах писал также и наблюдатель от Тверской епархии Е.М. Крыжановский. Он отмечал большую роль школы в борьбе с пьянством: «В педагогическом отношении они слабы, но две зимы посылали учиться и девушек. Для меня доказали, что только одна школа может бороться с пьянством. В каждой деревне корчма; к несчастью, не только мужчины, но и женщины пили, и вот одна составила общество трезвости. 3 женщины дали зарок не пить» [9, л. 7].

Общее число школ с течением времени возрастало. В 1889/1890 учебном году количество церковных школ доходило до 19 135, собственно церковно-приходских из них было 9 312 с обучающимися обоего пола в количестве 333 869 чел. В следующем учебном году в отчетах значилось 9 852 церковно-приходские школы с 368 489 обучающимися обоего пола. Отдельно в статистике отмечалось 11 774 школы грамоты, где обучались 251 893 чел. [10, л. 15]. Несмотря на заметный рост числа школ начального образования, потенциал для работы оставался огромным. Так, согласно сведениям за 1887 г., в России всего насчитывалось 33 779 православных приходов, и в 17 795 из них еще не было ни одной церковно-приходской школы [18, л. 7]. Причины указывались разные: от бедности населения до наличия в этой местности начальных школ других ведомств.

Из шестидесяти епархий в плане соотношения числа учащихся детей в церковно-приходских школах к общему числу православного населения в более выгодном положении оказались Киевская, Подольская, Могилевская, Литовская, Волынская, Минская, Архангельская, Тверская, Вологодская губернии. В среднем на каждую тысячу православного населения приходилось по 7,5 учащихся в церковно-приходских школах. Наиболее успешно и в плане количества, и в плане качества церковные школы развивались в Киевской епархии, где их к 1890 г. было на 73 больше по сравнению с 1887 г., а общая численность учащихся увеличилась на 6 071 чел. В Подольской епархии количество школ увеличилось на 140, а учащихся – на 10 263 чел.; в Волынской – соответственно на 258 и на 5 557 чел.; в Новгородской – на 213 и на 5 474 чел.; в Тамбовской – на 140 и на 4 668 чел.; в Херсонской епархии – на 115 и на 6 239 чел. Однако не во всех губерниях Европейской части России наблюдалась положительная динамика. В двух епархиях в 1887/1888 учебном году произошло уменьшение количества церковных школ: в Тверской епархии – на 241 (снижение обучающихся на 2 839 чел.), в Екатеринбургской – на 241 (на 2 283 чел.) [18, л. 16]. Сокращение числа церковно-приходских школ явилось следствием массового открытия школ грамотности в маленьких селах и деревнях, но работали эти учебные заведения в течение непродолжительного периода, поэтому вскоре могли быстро закрыться. В некоторых епархиях (например, в Тверской) даже не смогли предоставить точную цифру подобных школ.

Между тем к 1890 г. только 25 % детей школьного возраста были охвачены народным образованием, несмотря на существование наряду с церковными школами начальных школ других ведомств. Особенно мало среди обучающихся было девочек. В церковных школах их доля от общего числа обучающихся составляла всего 13 %. Продемонстрируем это на примере Курской епархии: в ней православных обоего пола числилось 2 013 675 чел., православных детей школьного возраста – 290 000 чел. В 1890 г. в Курской губернии действовало 984 начальных училища, из них 202 церковно-приходские школы, 206 школ грамоты, итого 408 церковных школ на 989 приходов епархии. Кроме этого, функционировало 576 начальных школ других ведомств. Общее число учащихся всех начальных школ равнялось 56 872 чел., включая 13 015 чел. в церковных, или 23 % от всех обучающихся и 4 % от общего числа детей школьного возраста. В это же время на 143 000 девочек школьного возраста приходилось всего 7 079 учениц (около 5 %), остальные не получали

никакого образования. Подобное положение дел отмечалось и в целом ряде других епархий, в том числе в Тамбовской, Харьковской, Воронежской, Пензенской [11, л. 7].

О целях и задачах церковно-приходских школ рассуждали многие священнослужители. К примеру, наиболее значимые задачи для церковно-школьной деятельности приходского духовенства сформулировал епископ Могилевский и Мстиславский Виталий (Грегулевич): «Нужно первоначально как можно больше распространить грамотность, то есть научить ребят читать, писать, считать и петь с голосу, чтобы потом видеть, как из этих юных грамотеев в состоянии будут продолжать учение для более обстоятельного ознакомления с предметами первоначального христианского образования, необходимого в самом простом быту, а может быть, и для дальнейшего научного развития на служение церкви и обществу. Довольно сказать, что без простого умения читать по церковному сыновья и дочери поселян с чрезвычайным трудом изучают самые обыкновенные молитвы и всегда более или менее их искажают. Да и Заповеди Божии, напечатанные в их совести, не бывают для них столь же ясны, когда они видят их напечатанными в письменном» [19, л. 5].

Еще одной очевидной проблемой являлось отсутствие единой программы обучения для церковно-приходских школ и школ грамоты. Главным препятствием к единообразию выступали значительные колебания в школьном возрасте, отмечаемые в разных регионах России. Возрастной состав учеников сильно варьировался. Одна и та же программа не могла быть пригодна для детей 10–11 лет и 11–14 лет. Именно возраст 11–14 лет воспринимался в качестве самого лучшего для обучения в сельской школе. Нередко священники озвучивали мнение, что, если школа существует давно и уже успела внушить окрестному населению полное доверие, то этот возраст можно постепенно сделать обязательным для всех и таким образом достичь единообразия. Но это во многом зависело от личного авторитета священника, о чем упоминал в отчете рязанский священник Ракитский [12, л. 2].

Итак, приведенные цифры и отчеты духовенства о состоянии школ говорят о том, что приходское духовенство прекрасно понимало суть проблемы. Клирики со всей серьезностью относились к теме и реализации начального народного образования. Очевидных положительных результатов удалось достичь именно благодаря ревностному труду священников.

Среди священнослужителей имелось немало тех, кто душой радел за народное образование. Об этом свидетельствуют личные письма на имя К.П. Победоносцева. Так, к примеру, протоиерей Евгений Остроховский из Можайского уезда в 1887 г. писал на имя обер-прокурора: «Я весьма боялся и боюсь, чтобы народные сельские школы не остались в прежнем своем виде. На них правительство еще прибавляет тысячи и только помогает нигилистам усиливать и распространять свою пропаганду. Боюсь, что и духовное начальство со своей стороны не пожалеет такие же тысячи для привлечения к школам приходского духовенства. Но одними тысячами нельзя ни улучшить, ни вновь устроить духовных рассадников религиозно-нравственного образования. А как это сделать, об этом я много думаю и пишу. Благодаря господу Богу я 47 лет священствовал в приходской церкви и в кафедральном соборе в кадетском корпусе и в военной гимназии, и в то же время учил и духовных, и дворянских, и купеческих детей. Знаю недостатки, их причины и средства к их устранению в религиозно-нравственном отношении по всем ведомствам, но не имею возможности свои знания и опыт ни духовному, ни светскому начальству передать. Причины тому материальные нужды и недостаток средств к проезду в Санкт-Петербург и к найму там квартиры с семейством – моим дочерью и двумя малолетними внуками» [13, л. 6].

Церковь всячески стремилась внести свой вклад в развитие народного образования, однако на местах причты сталкивались с противодействием со стороны своего рода «конкурентов» – представителей земских учреждений, настроенных оппозиционно по отношению к церковно-школьному делу. Между церковными и земскими учреждениями существовал определенный конфликт интересов. Если проанализировать численность церковно-приходских школ в европейских губерниях России, то можно увидеть, что в течение изучаемого периода некоторые церковно-приходские школы становились земскими и наоборот. Во многом это происходило под давлением обстоятельств.

Указанное явление можно проследить на примере многократного перехода из ведомства в ведомство школы села Большая Екатериновка (Уварово) Шацкого уезда Тамбовской губернии. Борьба за нее шла самая ожесточенная, с ссылками на законодательство, с привлечением различных инстанций. Согласно действовавшему законодательству 1886 г. (ст. 3448 и 3447 XI тома Свода законов Российской империи) и разъяснений министра народного просвещения от 4 октября за № 26826, Большое Екатерининское сельское училище должно было считаться земским, а не церковно-приходской школой, следовательно, необходимо было передать назначенной учительнице Марии Серапионовой все имущество и библиотеку, отпускать ей назначенную сельским приговором сумму на освещение, а также позаботиться о дровах для отопления здания. Это постановление вышло 21 декабря 1897 г. за подписью председателя училищного совета, предводителя дворянства Волконского. Крестьяне 19 ноября собрали сход от 146 дворов и постановили передать принадлежащее им здание мужской церковно-приходской школы во владение приходской церкви. Тамбовским епархиальным училищным советом 21 января 1898 г. было сделано предписание № 25 по приговору сельского схода крестьян Екатериновка Шацкого уезда о закрытии в этом селе земской школы и открытии вместо нее церковно-приходской. Однако земские власти стремились затянуть этот процесс. Судя по письмам от 12 марта 1898 г., дело так и не сдвинулось с мертвой точки [14, л. 14].

Яркий пример конфликта между земским и церковным начальством имел место и в Воронежской губернии. В 1874 г. в Землянском уезде существовала всего одна церковно-приходская школа при Архангельской церкви в селе Таволжанка, которая

действовала с мая 1872 г. Преподавателем в ней числился местный священник Иоанн Глаголев. 20 марта 1874 г. эта школа стала земской, а священник Глаголев по слабости здоровья был уволен с должности учителя и оставлен в учебном заведении (согласно его желанию) лишь законоучителем и учителем нотного пения.

Чаще всего земские власти подчиняли себе церковно-приходские школы из-за недофинансирования последних. Как правило, условия обеспечения земских школ были лучше, в том время как в церковных начальных училищах не имелось даже достаточного числа книг. Так, в Нижнедевицком уезде в 1884 г. функционировало 4 церковные школы: в селе Никольском обучалось 19 мальчиков и 1 девочка; в селе Хохол – 26 мальчиков при полном отсутствии книг; в Старом-Роговом – 20 мальчиков; в Богородицком – 19 мальчиков [18, л. 28], однако их обеспечение пособиями и помещениями оставляло желать лучшего, поэтому земские учреждения стремились поучить означенные учебные заведения в свое ведомство.

На положении дел сказывалась и проблема с преподавательским составом и его финансовым обеспечением. Член Богучарского училищного совета протоиерей Наумов сообщал, что в 28 сентября 1868 г. вышло постановление совета, по которому все священники, занимавшие учительские места, стали законоучителями с самым ограниченным жалованием, а вместо них были назначены учителями диаконы, причетники и другие лица. При увольнении священников с учительской должности упомянутый выше совет не делал исключения ни для кого из них. Протоиерею Наумову были известны две школы, в которых священники отличались редким усердием и ревностно исполняли обязанности учителей, но совет не обратил внимания на их труды и успехи и заменил причетниками, совершенно не подготовленными к учительской должности. Протестовать против такого решения было некому, да и нельзя было по той причине, что сельские общества часто отказывались платить за обучение детей в церковно-приходских школах, а земское собрание передавало ежегодно в училищный совет суммы, благодаря которым он содержал учителей и приобретал для школ, пусть и в ограниченном объеме, необходимые учебные пособия [18, л. 29].

По мнению членов совета, назначением священников учителями и наставниками училищ не достигалась цель народного образования, так как священнослужители, несмотря на все усердие с их стороны, не имели никакой возможности быть наставниками в училищах, так как должны были исполнять требы и вообще обязанности, связанные с саном, что предполагало частые и непредвиденные отлучки. Тем не менее училищный совет, освободив от учительской должности священников, не способствовал скорейшему развитию в народе грамотности: все новые преподаватели были малоразвиты или оказывались совсем не знакомы с педагогическими приемами. Вследствие этого организация школьного дела заметно ухудшилась, число учащихся и проявлений успеха стало заметно падать.

Протоиерей Наумов отмечал, что с поступлением в школы учителей с педагогических курсов, обладающих скудным запасом знаний, стали заменять прежние учебные пособия (евангелие, часослов, псалтырь) на книги Паульсона, «Родное слово» и другие светские учебники. Протесты со стороны крестьян по поводу замены книг игнорировались, поэтому многие простые люди стали враждебно относиться к получению грамотности, теряли охоту отдавать детей в школу. На самих учителей, особенно на тех, которые посещали храмы редко или небрежно, крестьяне смотрели не очень дружелюбно. Жители некоторых слобод стали присылать в училищный совет заявления, что они вовсе не хотят у себя иметь школу. «В школе доброму не научат без учения божественных молитв, пусть дети живут дома и учатся работать», – заявил в 1882 г. на земском собрании гласный из крестьян [15, л. 8]. После его выступления собрание постановило, чтобы в школах книги по естествоведению были заменены религиозно-нравственными и историческими работами.

Благодаря представленным епархиальному руководству членом Коротоякского училищного совета священником Димитрием Кирилловым и членом Новохоперского училищного совета священником Никанором Патрицким смет расходов мы можем сделать обоснованный вывод о явном недофинансировании церковно-школьного дела. Церковно-приходские школы содержались фактически за счет родителей. Поэтому, когда стали открываться земские учебные заведения для детей, более организованные во многих отношениях и не предполагающие внесения особой платы за каждого ученика, церковно-приходские часто не выдерживали конкуренции. Священноначалие стремилось мотивировать духовенство, поощрять его ревностнее осуществлять просветительское служение. Имелись особые предписания епархиального начальства, побуждавшие духовенство к обучению юношества, различные виды награждений и поощрений. При этом в некоторых приходах школы функционировали лишь на бумаге или открывались, но ненадолго; некоторые ученики числились в учебных заведениях лишь номинально.

О переходе церковных школ в земские сообщал, к примеру, член Павловского училищного совета священник Иоанн Иконописцев, указавший десять таких фактов, известных ему [19, л. 5]. Член Задонского училищного совета Владимир Попов писал о принятии земством существующих школ в 1864 г. на основании распоряжения губернского училищного совета. В Землянском уезде наблюдатель училищного совета Яков Костянский отмечал, что в земство перешла 1 школа. Местный пастырь, руководивший данным учебным заведением, заявил совету, что он по слабости здоровья и по занятости в приходе не в силах поддерживать школу и предложил совету назначить учителя, оставив за клириком право преподавать Закон Божий и вести церковное пение. Нижнедевицкий священник Андрей Александров докладывал о передаче 9 школ земству, что привело к отсутствию церковно-приходских школ. Бобровский священник Андрей Хроновской также признавал, что, хотя в прежнее время и были в некоторых

селениях Бобровского уезда церковно-приходские школы, которыми заведовали духовные лица (часто безвозмездно или за вознаграждение), но все они стали земскими [16, л. 16]. Последнему в определенных случаях способствовали те священнослужители, которые не всегда ревностно относились к исполнению своих пастырских обязанностей.

К сожалению, есть примеры, когда клирики подрывали свой авторитет в крестьянской среде. Так, 8 декабря 1900 г. училищный совет ходатайствовал перед архиереем о перемещении дьякона села Гатино Сергачского уезда Константина Дроздова в другой приход, так как он, согласно донесению наблюдателя церковных школ, по целым неделям оставлял школу пустой, часто бывал нетрезв. Уездное отделение епархиального училищного совета, знавшее это, в августе 1903 г. ходатайствовало о разрешении производить плату жалованья учителю школы грамоты в размере 60 рублей в год за счет доходов Дроздова. Это требование было удовлетворено. После этого Дроздов писал в училищный совет, чтобы его назначили учителем школы грамоты и освободили от выплат. Заключение Сергачского уездного отделения гласило: диакона Дроздова на должность учителя не назначать никогда, так как его педагогические и нравственные качества не соответствовали школьной деятельности. Постановлением от 26 декабря 1903 г. с него снова стали изымать 60 рублей жалованья. Дьякон Дроздов написал прошение в оскорбительной форме, за что был оштрафован на 20 рублей «за оскорбление, нанесенное в официальной бумаге»: «Сергачское отделение училищного совета обладает искусством с одного вола по две шкуры драть, а именно: оно лишило меня должности учителя, да еще положило за это контрибуцию в 60 рублей, а члены-то ведь служители алтаря и проповедники любви к Богу и милосердия к ближнему, а отбирают незаконно у своего сослуживца последний грош, добытый, как они по сей должности знают, со всяким унижением и почтением за него всех и каждого» [17, л. 17]. Естественно, подобные случаи нерадивого отношения клириков к просветительскому служению были единичными. Однако они оказывали, по данным синодальных отчетов, заметное влияние на успешность осуществления церковно-школьного дела. В условиях конкуренции со стороны земств, недочеты в поведении духовных лиц приводили к значительным негативным последствиям.

Выводы

Духовенство ревностно относилось к организации церковно-приходских школ и народному просвещению в целом. Во второй половине XIX – начале XX вв. возлагаемые государством надежды на церковь в деле распространения образования в целом оправдывались. После принятия «Правил о церковно-приходских школах» численность училищ ведомства православного исповедания стала заметно увеличиваться, причем положительная динамика наблюдалась в течение всего изучаемого периода. Данные школы открывались во многих поселениях, распространяли грамоту не только в крупных населенных местах, но и в захолустьях и глухих приходах, выступая тем самым пионерами просвещения в прямом смысле этого слова. Приходское духовенство вносило свой вклад в распространение грамотности среди населения и повышение образовательного уровня простого народа, несмотря на недостаток средств, противодействие со стороны некоторых земских учреждений, настороженное отношение к делу просвещения части крестьян.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 4. СПб., 1887. 1267 с.
2. *Иконников С.А.* Служение и материальное обеспечение приходского духовенства центрально-черноземных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века. Воронеж : Научная книга, 2019. 690 с.
3. *Гизей Ю.Ю.* Церковно-приходская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX в. : по материалам Томской епархии : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 267 с.
4. *Житенев Т.Е.* Церковно-приходские школы в России : 1884–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 301 с.
5. *Крутицкая Е.В.* Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 246 с.
6. *Прокопенко Р.Г.* Церковно-приходские школы в системе начального народного образования в России в XIX – начале XX века : на примере Ставропольской губернии : дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011. 200 с.
7. *Рачинский С.А.* Заметки о сельских школах. СПб., 1883. 123 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 803. Оп. 12. Д. 4.
9. РГИА. Ф. 797. Оп. 51. 2 отд. 3 стол. 1881 год. Д. 92б.
10. РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 23.
11. РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 4.
12. РГИА. Ф. 803. Оп. 1. Д. 20.
13. РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 4.
14. РГИА. Ф. 803. Оп. 2. Д. 16.
15. РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 23.
16. РГИА. Ф. 803. Оп. 10. Д. 210.
17. РГИА. Ф. 803. Оп. 3. Д. 21.
18. РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 38.
19. РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 1.

References

1. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e.* T. 4. (1887) [Complete collection of the Russian empire. Collection 3. Vol. 4.] St. Petersburg. 1267 p. (In Russian)
2. Ikonnikov, S.A. (2019) *Sluzhenie i material'noe obespechenie prihodskogo duhovenstva central'no-chernozemnyh gubernij Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka* [Ministry and material support of the parish clergy of the central Chernozem provinces of Russia (the second half of the XIX – early XX century]. Voronezh, Scientific Book Publ. 690 p. (In Russian)
3. Gizey, Yu.Yu. (2004) *Tserkovno-prikhodskaya shkola Zapadnoi Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv. : po materialam Tomskoi eparkhii. Diss. kand. ist. nauk* [The Parish School of Western Siberia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Based on Materials from the Tomsk Diocese. Cand. Histor. Sci. Diss. Kemerovo. 267 p. (In Russian)
4. Zhitenev, T.E. (2004) *Tserkovno-prikhodskie shkoly v Rossii : 1884–1918 gg. Diss. kand. ist. nauk* [Parish schools in Russia, 1884–1918 : Dis. … Cand. Histor. Sci.]. Moscow. 301 p. (In Russian)
5. Krutitskaya, E.V. (2004) *Cerkovno-prihodskie shkoly Rossii v konce XIX – nachale XX vv. Diss. kand. ist. nauk* [Parochial schools of Russia in the late XIX – early XX centuries. Cand. Histor. Sci. Diss.]. Moscow. 246 p. (In Russian)
6. Prokopenko, R.G. (2011) *Cerkovno-prihodskie shkoly v sisteme nachal'nogo narodnogo obrazovaniya v Rossii v XIX – nachale XX veka : na primere Stavropol'skoj gubernii.* Diss. kand. ist. nauk [Parochial schools in the system of primary public education in Russia in the 19th – early 20th century: on the example of the Stavropol province. Cand. Histor. Sci. Diss.]. Pyatigorsk. 200 p. (In Russian)
7. Rachinsky, S.A. (1883) *Zametki o sel'skih shkolah* [Notes on rural schools]. St. Petersburg. 123 p. (In Russian)
8. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* (RGIA) [Russian State Historical Archive]. F. 803. Op. 12. D. 4.
9. RGIA. F. 797. Op. 51. 2 ed. 3 table. 1881. D. 92b.
10. RGIA. F. 803. Op. 12. D. 23.
11. RGIA. F. 803. Op. 12. D. 4.
12. RGIA. F. 803. Op. 1. D. 20.
13. RGIA. F. 803. Op. 12. D. 4.
14. RGIA. F. 803. Op. 2. D. 16.
15. RGIA. F. 803. Op. 12. D. 23.
16. RGIA. F. 803. Op. 10. D. 210.
17. RGIA. F. 803. Op. 3. D. 21.
18. RGIA. F. 803. Op. 12. D. 38.
19. RGIA. F. 803. Op. 12. D. 1.

Поступила в редакцию 17.04.2026
Подписана в печать 30.06.2026

Original article
UDC 373.29
DOI: 10.47438/2309-7078_2026_2_171.

THE CONTRIBUTION OF THE CLERGY TO THE DEVELOPMENT OF PUBLIC EDUCATION IN THE 1880S AND 1890S (USING THE EXAMPLE OF THE PROVINCES OF EUROPEAN RUSSIA)

Albina Yu. Tatarinceva[1]

Voronezh State Pedagogical University[1]
Voronezh, Russia

[1]*Cand. Psychol. Sci., Docent of the Department of Correctional Psychology and Pedagogy, ORCID ID: 0009-0004-9081-9884, tel.: (473) 253-32-67, e-mail:Tatarinceva_30@mail.ru*

Abstract. The article examines the contribution of the Orthodox clergy to the development of primary public education in the first years after the publication of the "Regulations on Parish Schools" on July 13, 1884. Using the example of the provinces of European Russia, the author examines the numerical growth of church educational institutions and the problems that accompanied the spread of the network of public schools under the Orthodox Church. The article also focuses on the opposition to church schools by the local government bodies. The author concludes that, despite the challenges, the clergy made a significant contribution to the spread of primary public education in Russia.

Key words: Russian Orthodox Church, provinces of European Russia, parish schools, literacy schools, parish clergy.

Cite as: Tatarinceva, A. Yu. (2026) The contribution of the clergy to the development of public education in the 1880s and 1890s (using the example of the provinces of European Russia). *Izvestia Voronezh State Pedagogical University.* (2), 171–176. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2026_2_171.

Received 17.04.2026
Accepted 30.06.2026